

Глава 672: Одно дело

После того, как Чэнь Чаншэн произнес эти три слова, естественно, чтению указа было невозможно продолжаться.

Евнух Линь спокойно взглянул на него, спрашивая: «Ты думаешь, что я не посмею убить тебя?»

Чэнь Чаншэн ответил: «Через три дня после того, как новый император взойдет на трон, он отправил кого-то убить будущего Попа. Такое деяние определенно станет частью истории».

Евнух Линь все еще спокойно смотрел на него, говоря собранным голосом: «Ты - ценный младший брат Его Величества, к тому же у тебя есть много поддержки в Ортодоксии. Как ты и сказал, если я действительно убью тебя, Его Величество будет расстроен, и столица окупнется в хаос. Для того, чтобы успокоить ситуацию, дать объяснение истории, предположительно мне будет приказано совершить самоубийство».

Чэнь Чаншэн ответил: «Но вы все равно убьете меня».

Евнух Линь говорил с холодным выражением на лице: «Потому что ты уже сделал свою позицию ясной и я почувствовал опасность, которую ты представляешь. Так как ты не желаешь становиться министром, ты только можешь умереть. Когда Его Величество взойдет на трон, он должен впечатлить весь мир. Каждый, кто все еще чувствует преданность к Демонической Императрице, должен умереть, кто бы это не был. Что касается моего исхода, это не важно... потому что я глупо преданный человек».

«Глупость не означает, что у вас есть сила говорить неблагоприятно, и это не что-то, что требует уважения».

Чэнь Чаншэн отвернулся от окна. Ясный и холодный свет осеннего солнца падал на его форму, выглядя похожим на звездный свет.

Он обнажил меч и вставил рукоять в ножны.

Его рука была очень стойкой, как и его дыхание и голос: «Мой учитель сейчас во Дворце Ли?»

Евнух Линь немного нахмурил лоб. Он не ожидал, что Чэнь Чаншэн все еще сможет оставаться трезвым и спокойным в этот миг.

«Вы когда-либо думали, почему три дня назад на пике Мавзолея Книг он не убил меня и почему он не приходил навестить меня в Ортодоксальной Академии?»

Чэнь Чаншэн посмотрел на Евнуха Линя и продолжил: «Потому что он не смеет видеть меня, к тому же у него нет уверенности, что он сможет тихо убить меня».

.....

.....

«Он был воспитан моими руками. Если я открою свой рот и скажу ему умереть, он должен просто послушно умереть. Это его долг».

В самом тихом и уединенном зале Дворца Ли раздался ясный и холодный, как осень, голос.

«Если это долг, Старший Брат, почему ты не смеешь отправиться в Ортодоксальную Академию

и увидеть его?» - прозвучал голос Попа.

«Почему я не смею видеть его? Я не хочу навещать его из-за его глупой депрессии, и чтобы он говорил какие-то неуместные слова мне, что разозлит меня».

Шан Синчжоу более не был таким же обычным, каким он выглядел в последние двадцать лет. Он все еще носил робу даосиста, но никто теперь не будет воспринимать его, как какого-то обычного даосиста средних лет.

У него была голова черных волос, среди которых были редкие белые линии. Он выглядел статным, его кожа была нежной и гладкой, как у новорожденного. Он был спокойным и безразличным, настолько утонченным, что это пугало. Он был даже старше, чем Поп, но он все еще выглядел несравненно молодым, а его тело, казалось, было переполнено безграничным количеством энергии.

Поп посмотрел на него и спокойно спросил: «Вот как? Тогда, Старший Брат, почему ты пришел увидеть меня? Ты не боишься, что я скажу что-то неуместное и разозлю тебя?»

Шан Синчжоу ответил: «Я пришел навестить тебя, потому что хотел обсудить с тобой вопрос преемника моих учений».

Поп ответил: «То дело?»

Шан Синчжоу подтвердил: «Верно».

Поп подтвердил его намерения. После паузы он задал вопрос: «Почему?»

Шан Синчжоу спокойно ответил: «С мертвой Тяньхай какой смысл оставлять его рядом?»

Поп медленно покачал головой. «Как ребенок, он изучил три тысячи писаний Дао, он обладает абсолютно исключительным талантом в культивации, и нет ничего проблематичного относительно его поведения».

Шан Синчжоу спокойно посмотрел на него, говоря: «Младший Брат, ты должен очень хорошо знать, что наследие Ортодоксии никак не связано с талантом, иначе почему бы я пришел к тебе?»

Самым важным в наследии Ортодоксии было то, как преемник сможет сделать так, что Ортодоксия просуществует тысячи поколений. Кандидатура действительно никак не была связана с талантом, только с пользой.

Ранее, когда Дворец Ли выбирал следующего Попа, Шан Синчжоу, который был немного сильнее в культивации, и который был еще лучше в стратегии и воле, отступил от соревнования именно по этой причине.

Так всё было тысячу лет назад, как это было в их эру, и почему сейчас это будет исключением?

Пока он думал о прошлом, Поп молчал в течение очень долгого времени. Он внезапно подметил: «Его кровь очевидно происходит от потомков усопших».

Так как он не мог говорить о таланте или сердце Дао, только о выгоде, он имел это на уме.

«Верно, я однажды обещал тому монаху, что если великое мероприятие преуспеет, Чэнь Чаншэн, как представитель потомков усопших, станет следующим Попом, и они не будут

соперничать за имперский трон».

Шан Синчжоу невыразительно продолжил: «Но в ту ночь Тяньхай сокрушила его ментальную проекцию, разрушила путь, который потомки усопших строили несколько сотен лет. Даже если они получили истинное наследие Континента Священного Света, им потребуется по крайней мере несколько десятилетий, чтобы вновь преодолеть кристальный барьер. Учитывая это, почему я должен исполнять мое обещание и делать из того ребенка Попа?»

Лицо Попа не изменилось при этих словах. Он невозмутимо спросил: «Тогда кого ты хочешь сделать Попом?»

Шан Синчжоу ничего не сказал, только хлопнул руками.

По тихому и уединенному залу пронесся эхом звонкий хлопок.

Через мгновение молодая женщина невероятно легкими шагами вошла в зал.

В ту ночь эта молодая женщина также появлялась в Мавзолее Книг.

У нее был утонченный внешний вид, нежный и очаровательный, но на ее лице было нескрываемое чувство благородства и гордости.

Му Цзюши, молодой и загадочный член Шести Префектов Ортодоксии. Даже Божественная Императрица Тяньхай относилась к ней по-другому.

Поп не казался удивленным при ее появлении. Он спросил: «Ты уверена, что должна быть Попом?»

Му Цзюши хихикнула и сказала: «Я очень спокойный человек. У меня нет уверенности в соревновании с Сюй Южун за сердца и благосклонность южан, так что я не отправлюсь в Храм Южного Ручья, чтобы стать Святой Девой».

Она смеялась очень свободно и открыто, но ее слова были высокомерными и властными.

«Но Чэнь Чаншэн ничего из себя не представляет. Почему я должна позволять ему быть Попом?»

Поп улыбнулся ей, но ничего не сказал.

Улыбка Му Цзюши стала более глубокой, это была улыбка, которой не должно быть у молодой женщины ее возраста.

Слова, которые она говорила, были еще более глубокими, как слова, высеченные на дереве, но вовсе не слова, которые должны быть сказаны Попу.

«Разве Ваше Святейшество не сказал... что вы скоро умрете? - она посмотрела на Попа и засмеялась, - Даже если Ваше Святейшество не хочет, чтобы я стала Попом, у вас нет способов остановить меня после смерти. Тогда почему бы не сделать это сейчас, чтобы быть более прямым? В будущем, когда я буду Попом, в память о доброте Вашего Святейшества я, естественно, оставлю путь выживания Чэнь Чаншэну».

В ту ночь на Мавзолее Книг Божественная Императрица спросила у Попа причину. Причина, которую дал Поп, была совершенно ясной: он был старым и вот-вот умрет.

Это должно быть фактом, но то, как Му Цзюши говорила об этом, перестало быть прямым и стало неучтывым.

Шан Синчжоу поднял руку, чтобы указать, что она должна перестать говорить. Затем он сказал Попу: «Во второй части своей жизни я хочу сделать две вещи. Я уже завершил одну».

Он, естественно, говорил о смерти Божественной Императрицы Тяньхай.

«Младший Брат также знает, что я хочу сделать вторым. Я хочу истребить демонов и завершить предсмертное желание Его Величества Тайцзуна. Ты тоже соглашаешься со мной в этом, вот почему ты вступил со мной в союз в ту ночь. Ты также остро понимаешь, что для истребления демонов мы должны объединить всю силу, которую мы можем объединить. Его Величество Тайцзун создал альянс между людьми и оборотнями, а Тяньхай и ты преуспели в слиянии севера и юга. То, что следует за этим, это, естественно, объединение востока и запада. Как следствие, я много лет назад начал растить Му Цзюши. Когда ей было пять, я оставил место Архиепископа Зала Писаний для нее, так почему она не может быть Попом?»

Поп хотел сказать пару вещей.

Шан Синчжоу продолжил: «Я знаю, что никогда не случилось так, что женщина становилась Попом, но ты мог поддерживать Тяньхай в восхождении на имперский трон Великой Чжоу, так что ты должен поддержать и ее. Младший Брат, ты не должен забывать, что она представляет весь Великий Западный Континент. Архиепископа Зала Писаний недостаточно. Мы должны заплатить гораздо больше, прежде чем сможем поприветствовать эпоху, в которой все человечество действительно объединено».

Поп молчал, как казалось, в течение бесконечного времени. Наконец-то он надел Божественную Корону и Божественную Робу, после чего направился к той стене в глубочайших частях зала.

Каменная стена постепенно расступилась, из нее выстрелил священный и чистый свет, сияя на лицо Му Цзюши. Ее улыбка была очень гордой.

Шан Синчжоу взглянул на нее.

Му Цзюши шагнула вперед и взяла руку Попа.

Поп остановился и посмотрел на нее.

Она вернула сладкую улыбку без намерения отпустить руку.

Поп ничего не сказал и продолжил идти к другой стороне каменной стены.

На другой стороне был Великий Зал Света.

Несколько сотен епископов тихо ждало внутри зала.

Десятки тысяч священников, студентов, учителей и кавалерии ждали снаружи зала.

Поп направился к месту, где свет был наиболее процветающим.

Му Цзюши стояла рядом с ним.

При этой сцене на лицах многих из важных фигур Ортодоксии, включая Ань Линь и Чжуан

Чжихуаня, появились выражения шока.

Мао Цююй тихо стоял спереди, выражение его лица было неизменным.

Поп взглянул на толпу и заявил: «Я должен объявить кое-что».

<http://tl.rulate.ru/book/1222/192979>